

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
МЕЖДУ ИЗОБРЕТЕНИЕМ ТРАДИЦИИ
И ВООБРАЖАЕМЫМИ СООБЩЕСТВАМИ***

Т. П. Хлынина

Если попытаться одним словом охарактеризовать суть советской национальной политики, то им рано или поздно окажется слово «конфликт». Конфликт, по большому счету, между дореволюционным прошлым, когда формировались взгляды теоретиков большевистской партии на природу и сущность национального вопроса в России, и пореволюционным настоящим, когда изменившаяся действительность потребовала принципиально иных практик его разрешения. Такими практиками на протяжении всей истории советского государства оказывались традиция и воображаемые сообщества, во имя освобождения которых они, собственно говоря, и изобретались [Государство 2011]. Будучи легко узнаваемыми и расхожими понятиями современного гуманитарного дискурса, они, как представляется, наиболее емко и последовательно отражают драматизм и идейный накал становящейся национальной политики государства *«победившего пролетариата»*, позволяя, помимо всего прочего, прояснить и ее истоки.

Изобретение традиции: «В начале было слово...». Одним из главных изобретений советской власти, позволившим ей относительно быстро освоиться на *«инородческих территориях»*, стала *«колониальная политика царизма»*, нашедшая свое выражение в ленинской формуле *«Россия — тюрьма народов»*. Не особо заботясь о толщине стен и степени комфортности «тюрем», лидер большевистской партии на долгие десятилетия определил ее восприятие в качестве таковой не только современниками, но и их потомками. Однако, если первое поколение ниспровергателей

«ненавистных оков прошлого» твердо верило своим идейным вдохновителям, то их преемники не особо задумывались над содержанием этого наследия. Более того, со временем оно превратилось в неиссякаемый источник вдохновения для строителей нового социалистического общества. Именно ими, ставшими вместилищем всех бед *«эксплуатируемого трудового народа»*, обосновывалась необходимость *«преодоления дикой отсталости и закрепощенности»* населения национальных окраин страны. Будучи эффективной практикой решения текущих задач власти, подобное видение весьма пагубно сказывалось на состоянии исторических исследований, все чаще становящихся выразителями социального заказа эпохи кардинальных преобразований.

Одним из таких изобретений как раз и является *«национально-колониальное наследие царизма»* — вплоть до недавнего времени привычное и практически единственное историографическое обобщение опыта национальной политики Российской империи. Его содержание в советской исторической науке, за редким исключением, оценивалось как негативное. Исследователи пытались совместить в нем, с одной стороны, уровень удовлетворения требований национального равноправия народов, с другой стороны — практическую целесообразность государственной политики в области национальных отношений. Поэтому, когда возникала необходимость конкретизации данного понятия, реальные события неизбежно приобретали характер «колониальных устремлений царского правительства по отношению к инородческим окраинам». Объективной причиной тому становится и

* Работа выполнена в рамках проектов «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории»; «Управление полиэтничным макрорегионом России: исторический опыт и современные проблемы» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 32 «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного региона в условиях роста напряженности».

многовековое расширение границ Российской империи, зачастую имевшее далеко не мирный характер. Постоянная реификация исследовательских категорий в области прошлого, в конечном итоге, порождает действительность, чей образ лишь отчасти соответствовал реальности, что не могло не сказаться и на восприятии национального вопроса, состояние которого в дореволюционное время стало неотъемлемой составляющей большевистской политики. Для современного исследователя, да и образованного читателя, сам факт существования национального вопроса в многонациональной стране не вызывает сомнения. Тем не менее, его появление именно в такой формулировке датируется не ранее второй половины — последней трети XIX в. и скорее навеяно интеллектуальным обаянием эпохи Просвещения, нежели отечественными реалиями. Более привычным и употребительным вплоть до начала прошлого столетия оставалось словосочетание «иностранческий» (или «окраинный») вопрос, суть которого сводилась к правовому урегулированию взаимоотношения центра и включаемых в орбиту его деятельности территорий.

Существующие на сегодняшний день исследования, несмотря на всю небесспорность содержащихся в них положений, позволяют говорить, по крайней мере, о трех наиболее очевидных принципах регулирования пресловутого «вопроса». Во-первых, основным типом взаимосвязи между отдельными территориями империи являлась хозяйственная иерархия, не обязательно сопровождавшаяся «нешадной» эксплуатацией нижестоящих. Во-вторых, механизм распространения российской системы управления на окраины имел волнообразный и не всегда рациональный характер, военные методы насаждения порядка сочетались со стремлением учитывать местные особенности и сохранить традиционные формы регулирования общественной жизни. В-третьих, национальные отношения регулировались на государственно-юридическом уровне и отражали общую проблему правового неравенства российских подданных. Стержнем в подходе к решению иностранческого вопроса являлся постоянный поиск государством надежной связи с окраинами. В разное время эта связь обеспечивалась посредством торговых, культурных, политических контактов, позже — правовой регламентацией взаимоотношений. Стремления к ее преры-

ванию среди российских народов вплоть до начала революционных потрясений 1905–1917 гг., за редким исключением, не наблюдалось. Так, на состоявшемся в конце июня 1916 г. в Лозанне III съезде «Союза национальностей» представители Финляндии, Бухары, Хивы и польская группа требовали полной «территориальной» независимости. Представители черкесов и дагестанцев довольно нерешительно настаивали перед союзниками (Англия, Франция, США) на освобождении их от московского ига, грузинская и среднеазиатская делегации выдвигали исключительно культурно-просветительские лозунги [Милуков 1925: 181].

Неопределенность национальных «ощущений» получила отражение и в законодательных актах Временного правительства. Сложные процессы государственного строительства в послефевральской России являлись следствием социальных конфликтов и недостатков прежней системы управления [Сенцов 1987: 9]. Парализовав на какое-то время старый аппарат управления, Февральская революция внесла в его деятельность частичные изменения. Была проведена глубокая децентрализация, разрушено органичное единство центра и мест. Во многих городах и районах стали параллельно функционировать советы и гражданские комитеты. Опубликованное 20 марта 1917 г. постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений носило весьма общий характер. События значительно опережали законодательную деятельность правительства. В результате усиливались автономистские и федералистские тенденции, регионы настойчиво выдвигали перед центром свои требования. Рассмотрим, как происходило осознание необходимости обретения автономии и что изначально она собою подразумевала, на конкретном примере самоопределения кубанских адыгов.

9 апреля 1917 г. I съезд представителей населенных пунктов Кубани принял «Положение о временном самоуправлении Кубанской области». Согласно нему, высшим органом гражданской власти в области стал Кубанский областной совет, призванный обеспечить проведение в жизнь указаний Временного правительства, свободу выборов в Учредительное собрание и поддерживать общественный порядок [Сенцов 1987: 17]. Кубанская войсковая Рада конституировалась как самостоятельный и не подлежащий ведению совета орган. Координация

и согласование деятельности местных учреждений области возлагались на Исполнительный комитет, состоявший из представителей казачьего сословия (7 чел.), иногородних (7 чел.), горцев (4 чел.), Казачьей Рады (8 чел.), Совета рабочих и военных депутатов (2 чел.). В структуре Исполкома предполагалось создание Комиссии по самоуправлению горцев. Однако затянувшийся период становления органа «социального согласия» дал возможность комиссару Временного правительства на Кубани К. Л. Бардижу 4 июля 1917 г. издать указ о его роспуске.

Отдельные представители адыгов, ратовавшие за получение самоуправления и автономии, первоначально безоговорочно поддерживали органы Временного правительства и Кубанскую Раду, неоднократно подчеркивая отсутствие стремления к *«особому краевому выделению»*. Как правило, их заявления ограничивались требованиями открыть школы и организовать обучение на родном языке. Но период активного сотрудничества с Кубанской Радой в надежде на получение «культурно-просветительского» самоуправления закончился в связи с появлением лозунгов *«единой и неделимой, самостийной Кубани»* и переориентацией адыгской знати и интеллигенции на национальные круги Северного Кавказа.

1 и 5 мая 1917 г. на съезде горских племен Северного Кавказа было принято решение об образовании Союза горцев и племенных самоуправлений для более решительной борьбы против революционных сил края. 7 октября Кубанская Краевая Рада приняла «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае». Высшим органом государственной власти провозглашалась Краевая Рада, исполнительным — Кубанское правительство, в состав которого, помимо казаков, должны были войти 2 представителя от иногородних и 1 — от горского населения. Несколько раньше, 20–25 сентября 1917 г., II конференция представителей горских народов предприняла попытку создания федерации «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кубани и вольных народов степей» для поддержания порядка и спокойствия на территории союза, содействия его участникам в устройстве внутренней жизни и решения других задач [Сенцов 1987: 17].

В ноябре 1917 г. Союз горцев Кавказа попытался оформить государственную не-

зависимость под турецким протекторатом. Но владикавказское правительство Г. Бамматова — Т. Чермоева, поставившее вопрос об отделении Северного Кавказа от России, просуществовало недолго. Уже широко распространились большевистские лозунги «национального самоопределения». Кратковременность первого периода существования советской власти в области (март 1917 — январь 1918 гг.), несмотря на деятельность Комиссариата по горским делам в составе Кубано-Черноморской Советской Республики и Коллегии по национальным делам ЦИК Северо-Кавказской Советской Республики, не позволила ей осуществить собственный вариант решения национального вопроса в регионе.

Возникшие в период Гражданской войны идеи создания Южно-Кавказского государства с включением территорий Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, а также Юго-Восточного Союза казачьих областей так и остались проектами [Кавказский 1924: 70]. В целом, «белый этап» в истории Кубани усилил казачий сепаратизм и стремление к «самостийности», вылившееся в конфликт краевого правительства с А. И. Деникиным, и выявил проблему взаимоотношений региона с центром.

Борьба между кубанской «самостийностью» и «национальной Россией» окончательно предопределила позицию адыгских национальных кругов. Слабость северокавказских «национально-сепаратистских» сил, существенно подорванных войной и внутренними распрями, политическая индифферентность населения горских аулов, ориентация националистических групп на Турцию, не находившая поддержки в общественном сознании, не позволили реализовать идею автономного самоуправления, оставив ее в эмбриональном состоянии.

Идеи социального и национального освобождения, порожденные Манифестом 17 октября 1905 г., Первая мировая война усилили центробежные стремления окраин и процесс роста национального самосознания народов. Конституционные дебаты Временного правительства, ограничившиеся заявлениями общего, сугубо декларативного, характера об отмене национальных ограничений, и активно развернувшаяся агитация большевиков, щедро обещавших самоопределение вплоть до территориального отделения, толкали национальные движения на поиски сближения с самой радикальной ча-

стью российской социал-демократии, в котором прежде всего виделось настойчивое стремление оградить себя от надвигавшегося революционного хаоса.

Национальный вопрос и воображаемые сообщества. Революционное обновление всех сфер общественной жизни сопровождалось и поиском принципиально иных способов решения национального вопроса. Вопроса, который требовал не только принятия безотлагательных мер, но и теоретического осмысления своего места во внутренней и внешней политике большевистской партии. Такое осмысление началось еще до революции и получило свое наиболее полное воплощение в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Анализ их произведений, посвященных природе возникновения национального вопроса, его значению для судеб революции, а также ее исхода, свидетельствует о двух важных обстоятельствах: во-первых, об отсутствии принципиальных разногласий между позициями архитекторов советской национальной политики; во-вторых, о довольно специфической особенности самой национальной политики, которая разрабатывалась для решения проблем по большей части воображаемых сообществ, наделяемых «идеальными» качествами и призванных в перспективе стать советскими нациями.

Содержание так называемых «украинских», «кавказских» и иных «национальных вопросов» в организационном плане сводилось В. И. Лениным к поиску наиболее приемлемых, эффективных форм и методов, механизмов управления окраинами из центра (Москвы) и, в конечном итоге, к созданию марксистских национальных государств, зависимых от одного революционного центра [Ленин 1974: 42–47]. Ленинская идея медленной, более мирной, менее насильственной ассимиляции народностей, нашедшая воплощение в далеко идущих проектах создания различных союзов (Союза Советских Республик Европы и Америки, мировой советской республики, Союза Советских Социалистических Республик), была использована Сталиным в качестве фундамента построения унитарного социалистического государства и осуществлялась форсированными методами.

Первое обращение Сталина к национальному вопросу относится к сентябрю 1904 г., когда он связал его происхождение с появлением пролетариата. По словам

Сталина, «на арену борьбы выступил новый класс, пролетариат, и вместе с ним возник новый вопрос, национальный вопрос пролетариата». Почвой для его возникновения он назвал необходимость объединения всех рабочих без различия национальности для победы пролетариата [Сталин 1946а: 35–37]. В разрушении национальных перегородок и уничтожении национальной замкнутости с целью более тесного сплочения российских пролетариев заключалось основное содержание программ решения национального вопроса российской социал-демократией.

Два десятилетия спустя, уже будучи главой советского государства, Сталин четко обозначил вехи «ленинской эпохи» в развитии национального вопроса: превращение его из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, из чисто правовой проблемы в вопрос о поддержке, действенной и постоянной помощи угнетенным нациям в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций, которое могло быть достигнуто только на почве пролетарской революции [Сталин 1947а: 139]. Причем этой «действенной и постоянной» поддержки заслуживали лишь те национальные интересы и требования, которые двигали или могли двинуть вперед классовое сознание пролетариата. Так как численность пролетариата в отношении общего количества населения «национальных окраин» являлась незначительной, то функции их «освободителя» были переданы Российской социал-демократической рабочей партии. Именно ей надлежало завоевать для угнетенных наций право на решение национального вопроса и добиться, чтобы желания этих наций оказались подлинно социал-демократическими, исходили из классовых интересов пролетариата [Сталин 1946а: 52].

Необходимым пунктом в решении национального вопроса признавался принцип национального самоопределения, «ставшего одним из стержневых: ведущих понятий столетия» [Боффа 1990: 70]. Первоначально зафиксированное в партийной программе в качестве «права устраивать свои национальные дела соответственно своим желаниям» [Сталин 1946а: 49], данное понятие постепенно уточнялось, меняя свой смысл. В получившей восторженный ленинский отзыв статье «Марксизм и национальный вопрос» [Сталин 1946б] Сталин, трактуя право на самоопределение как са-

мостоятельное определение нацией своей судьбы, когда никто не смеет насильственно вмешиваться в ее жизнь, разрушать школы и прочие учреждения, ломать нравы и обычаи, стеснять язык и урезать права, пояснил, что это вовсе не означает поддержки социал-демократией всех и всяких национальных обычаев и учреждений.

В марте 1917 г. в качестве одного из путей к действительному уничтожению национального гнета большевики предполагали обеспечить право на самоопределение тем нациям, которые по тем или иным причинам не могли оставаться в рамках единого государства [Сталин 1946в: 19].

Но уже сталинское выступление на VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) 1917 г. и принятая на ней резолюция по национальному вопросу свидетельствовали о том, что большевики сделали серьезный шаг в определении возможностей практической реализации принципа самоопределения наций. Предоставляя угнетенным народам, входившим в состав России, самостоятельность в решении вопроса устройства политической жизни, резолюция акцентировала внимание на *«непозволительности смешивать вопрос о праве наций на свободное отделение с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент»*. Несомненно, что последний решался в каждом отдельном случае с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата [Коммунистическая 1983: 503–504].

Право наций на самоопределение окончательно оформили резолюция III Всероссийского съезда советов в январе 1918 г., понимавшая его *«в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России»* [Декреты 1957: 311], и новая программа РКП (б) в марте 1919 г., разъяснившая с историко-классовой точки зрения, кто являлся носителем воли нации к определению [Коммунистическая 1983: 79]. Право на самоопределение предусматривало две основные формы реализации: 1) политическую автономию для областей, представлявших целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с делопроизводством и преподаванием на своем языке; 2) отделение для наций, которые не могли и не хотели оставаться в границах целого [Сталин 1946в: 19].

Еще в январе 1913 г. Сталин охарактеризовал областную автономию как *«единственно верное решение для наций, кото-*

рые по тем или иным причинам предпочитают оставаться в рамках целого» [Сталин 1946б: 361]. В качестве ее преимуществ он назвал определенное население, живущее на определенной территории, слом национальных перегородок и объединение населения для размежевания другого рода, по классам, возможность наилучшим образом использовать природные богатства области. Четыре года спустя Сталин связал создание автономии областей России с радикальным и окончательным решением национального вопроса [Сталин 1946в: 27]. III Всероссийский съезд советов отнес область, естественно сочетавшую в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некую минимальную целостность экономической территории, к субъекту федерации [Сталин 1947б: 69].

Возрожденный в послеоктябрьский период принцип федеративного устройства как формы взаимодействия советских республик на время переходного периода стал необходимым связующим звеном на пути от декларативно независимых областей к унитарному социалистическому государству добровольно объединившихся трудящихся. Конституированная как федерация советских национальных республик на основе свободного союза свободных наций [Ленин 1969: 221], Советская республика нуждалась в обеспечении прочного союза между центром и окраинами России. Необходимость подобной связи прежде всего диктовалась доведением до конца дела революции, что являлось невозможным без поддержки менее развитых, но богатых ресурсами окраин [Сталин 1947б: 351]. В выступлении на III Всероссийском съезде советов Сталин подчеркнул, что принцип территориального отделения противоречил не только *«постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами»*, но и интересам народных масс, подрывая революционную мощь центральной России. По его мнению, отделившиеся неминуемо должны были попасть *«в кабалу международного империализма»* [Сталин 1947б: 352].

Право на отделение, постепенно заменявшееся правом на объединение, принимало разнообразные формы советской автономии. Ее эластичность — от узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы) к более широкой политической автономии (башкиры, татары

Поволжья, киргизы), к расширенной форме автономии (Украина, Туркменистан) и высшей ее форме — договорным отношениям (Азербайджан) — позволила охватить все многообразие окраин России, стоявших на различных ступенях экономического и культурного развития, а также «поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связав их с центром самыми разными путями» [Сталин 1947б: 355]. По мнению Сталина, производя административный передел на началах областной автономии (абсолютно неважным признавалось, где пройдет граница, лишь бы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией), Россия сделала крупный шаг вперед по пути сближения власти с широкими народными массами окраин, сплотив их вокруг пролетарского центра.

Исследования советских правоведов 1920-х гг. в области государственно-правовых форм решения национального вопроса едины в понимании чрезвычайной условности возможностей автономии, обладавшей правовым статусом лишь до тех пор, пока он признавался вышестоящим органом власти. При таком положении существовало два пути закрепления автономии: насильственный переход в самостоятельное государство и превращение союза в конфедерацию либо, что больше соответствовало большевистской установке, узкий автономизм с уклоном в сторону унитаризма. В данном случае гарантом автономии выступала федерация. Взаимосвязь автономии с центром вырисовывалась в качестве принятия «дружеского совета» центра взять на себя столько самоуправления, сколько ей по плечу [Архипов 1923: 40].

Правоведы отметили трудность национального вопроса и оригинальность его решения в первые годы революции: не «национальные окраины» обращались к центральной власти с требованиями свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти «забытые, брошенные, униженные окраины» созывать свои учредительные съезды советов, организовываться в своих территориальных границах и, в зависимости от революционных возможностей той или иной нации, от численности трудящихся, материальных ресурсов, устанавливать соответствующие формы развития нации (эта функция закреплялась за центром).

Весьма показательны в этом отношении исследования региональной специфики осуществления ленинской национальной политики в первые годы советской власти. Вопреки положению о популярности в народном сознании идеи национального самоопределения, советские историки убедительно продемонстрировали, с одной стороны, длительное и отличное от представлений центра понимание трудящимися массами окраин данной идеи в ее советском варианте. С другой стороны, показали упорное и не менее длительное сопротивление местных руководящих органов самоопределению «как вредному для революции и разъединяющему народы» процессу. Достаточно вспомнить известные в литературе примеры, квалифицированные как «ошибочное» нежелание руководства будущих Белорусской и прибалтийских республик самоопределяться.

Выступлением в печати в октябре 1918 г. секретарь Северо-Западного обкома РКП(б) В. Г. Кнорин, выражая мнение подавляющего большинства членов партии, подвел итоги дискуссии о «нецелесообразности создания (Белорусской. — Т. Х.) республики, которое неизбежно повлечет за собою ослабление единства с Россией, породит национальную рознь между поляками, евреями, русскими и белорусами». В. Г. Кнорин заявил: «Мы считаем, что белорусы не являются нацией, и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты» [цит. по: Куличенко 1973: 108]. В этом же ключе выдержаны и многочисленные резолюции латвийских коммунистических организаций: «Пролетариат Курзенской организации стоит за присоединение Латвии к России, так как с Россией мы связаны культурными и экономическими связями. Пролетариат не признает никакого самоопределения народов, потому что самоопределение народов превратилось только в вопрос власти для укрепления буржуазии» (ноябрь 1918 г.) [цит. по: Куличенко 1973: 113].

В подобных многочисленных свидетельствах трудно вычленивать их определяющую причину. Ортодоксальное ли это следование предреволюционной большевистской тактике полного неприятия «буржуазной» идеи национального самоопределения, внезапно приобретшей «пролетарскую необходимость», или практические соображения

элементарной стратегии выживания, гарантированной надежной и постоянной связью с революционной Россией? Однако, учитывая сложность внутренней и международной обстановки 1920-х гг., следует помнить и о тактических соображениях центральной власти. Объяснения столь настойчивому призыву к независимости «пограничных» территорий можно найти в письмах Центрального Комитета, успокаивавших «самоопределяющиеся части» федерации следующими аргументами:

- предлагаемая форма самоопределения не являлась актом отделения от России;
- «империалистическое» окружение упрекнуло бы советскую Россию в невыполнении обещанного самоопределения;
- наиболее существенный момент, как правило, не афишируемый, заключался в том, что пограничные территории рассматривались в условиях продолжавшейся войны в качестве «буферных зон», смягчавших удары международного империализма. В последующем автономная «буферность» смягчала удары уже чрезмерной советизации.

После Гражданской войны в отношении значительного числа народов, не успевших самоопределиваться, советской власти предстояло выполнять несколько необычную и специфическую функцию, а именно — оказывать помощь в оформлении отдельных племен в нации [Алиев 1926: 9] с соответствующим определением. Различные ступени автономизма и федерализма должны были олицетворять собою практическое воплощение в жизнь идеи советов, советской формы самоопределения и, не являясь уступкой националистическим тенденциям, стать естественным стилем советского государства.

Период между III и V съездами Советов отличался существенными изменениями в системе взаимоотношений между центральными и местными органами власти. Были ликвидированы наиболее самостоятельные областные объединения, проведена некоторая критическая переоценка принципа самоопределения наций. Игра в суверенитет начала серьезно восприниматься на местах и сопровождалась стремлением отделения от советской республики. Закрепленный в Конституции РСФСР 1918 г. статус национальной автономии с правом самостоятельного определения личного состава высших органов власти не подвергался изменениям

вплоть до принятия Конституции 1924 г. Единственным добавлением к политическим гарантиям автономным областям и республикам стало учреждение Совета Национальностей при Наркомнаце по вопросам, затрагивавшим интересы национальных меньшинств.

Особенностями возникавших автономных образований в этот период являлись: выход за рамки, предусмотренные первоначальной идеей автономии, образование в рамках прежних границ новых административно-территориальных единиц и, как правило, недолговечность подобных форм «упрочения советской власти». Анализ союзного законодательства, проведенный советскими исследователями 1920-х гг., показал сравнительную незначительность разработок правового положения автономной области, которая легче поддавалась обрисовке негативными, чем позитивными чертами и до принятия Конституции 1924 г. оставалась «национальной губернией».

Поворотным в национальной политике советской власти и административно-территориальном строительстве можно считать 1920 г. Отчетливо обозначилось стремление власти сосредоточиться на практическом воплощении провозглашенных принципов. Наблюдалось форсирование организации новых автономных единиц среди народностей, их не имевших; активно велась законодательная разработка прав и обязанностей существовавших органов и центральной власти; вырабатывались конкретные мероприятия по подъему производительных сил, улучшению экономического быта национальных окраин [Котляревский 1921].

Законодательное решение национального вопроса, с одной стороны, сводилось к юридическому оформлению политических установок правящего режима, видевшего в административно-территориальной автономии *«успешный залог нарастания сознания трудящихся масс, переходную ступень от племенной изолированности к полному экономическому единству, грандиозный культурный прогресс, идущий по руслу советского строительства, и условие последовательного отслоения трудящихся от мулл и буржуазии»* [Трайнин 1923]. С другой стороны, оно являлось отражением большевистской концепции государственных национальных образований как переходных форм к полному объединению различных

национальностей России в единое централизованное советское государство. Их длительность и целесообразность существования целиком зависели от грядущей мировой пролетарской революции.

Таким образом, можно утверждать, что в интернационалистической доктрине большевизма национальный вопрос являлся частью общего вопроса о преобразовании существовавшего строя, служил средством борьбы за социализм и подчинялся принципам социализма. Центробежная энергия национализма была своевременно использована партией российского пролетариата в борьбе за власть и упрочение диктатуры пролетариата с помощью весьма условного и динамичного принципа самоопределения наций. Порожденный неравенством наций, выраженный, в основном, социальными и экономическими проблемами, национальный вопрос в большевистском понимании приобрел совершенно иной характер. Большевики, видевшие в российском пролетариате оплот советской власти, сузили национальный вопрос до проблемы превращения сельских обществ в промышленные нации. Важная роль в этом процессе отводилась праву на самоопределение, которое должно было ускорить социальное расслоение нерусского населения. Поэтому предоставление самостоятельности во многих случаях форсировалось центром.

Провозглашение территориальной автономии и ее закрепление в конституционном порядке в качестве наиболее целесообразного метода «*постепенного вовлечения трудящихся в орбиту государственного управления по мере развития их классового сознания*» подготавливали почву для национального сепаратизма. Отвергнув принцип «культурной автономии» как соответствующий наследию предыдущего строя, новое государство уже на заре своего существования не только проигнорировало оптимальный вариант решения национального вопроса, но и заложило в некотором роде основу конфликтов в этой сфере. Нельзя не согласиться с утверждением А. Авторханова об отсутствии в строгом смысле национальной политики и наличии лишь тактики партии в национальном вопросе [Авторханов 1991: 24], тесно связанном с социальным переустройством общества и нацеленном на создание наций нового типа — мобильных коллективов людей с присущими им культурными особенностями.

Отождествив решение национального вопроса с социально-экономическими преобразованиями, большевики в значительной степени искусственно стимулировали у нерусских народностей стремление к самоопределению с целью приобретения поддержки русским пролетариатом «угнетенных в прошлом» народов. Без этой поддержки «*невозможно было бы упрочить советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов*», которая окончательно оформилась с созданием СССР [Сталин 1947а: 146]. Своим появлением она во многом была обязана изобретенной традиции и воображаемым сообществам, превратившимся к этому времени во вполне осязаемые величины советской национальной политики.

Литература

- Авторханов А. Империя Кремля. Минск: Полифакт, 1991. 115 с.
- Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северокавказском крае. Итоги и перспективы. Ростов н/Д.: Крайнациздат, 1926. 128 с.
- Архипов К. Типы советской автономии (Из очерков по автономно-федеративному строительству Советских республик) // Власть Советов. 1923. № 8–9. С. 39–47.
- Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1990. 629 с.
- Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 376 с.
- Декреты Советской власти: В 3 т. Т. 2. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1957. 397 с.
- Кавказский горец. Прага. 1924. № 1. С. 68–72.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. 605 с.
- Котляревский С. А. Обзор правовой деятельности органов РСФСР в области национальной и автономно-федеративной политики за 1921 год // Совет. право. 1921. № 1. С. 100–107.
- Куличенко М. И. О налаживании государственных взаимоотношений народов страны Советов в 1917–1919 гг. // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л.: Изд-во «Наука», Лен. отд., 1973. С. 96–118.

- Ленин В. И.* Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1969. С. 218–224.
- Ленин В. И.* Письмо к рабочим и крестьянам Украины // Полн. собр. соч. Т. 40. М.: Политиздат, 1974. С. 42–47.
- Милюков П. Н.* Национальный вопрос в России: происхождение национальности и национальных вопросов в России. Прага: [Б.и.], 1925. С. 154.
- Сенцов А. А.* Рождение Кубано-Черноморской Республики. 1917–1918 гг. Краснодар: Кн. изд-во, 1987. 124 с.
- Сталин И. В.* Как понимает социал-демократия национальный вопрос // Соч. Т. 1. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1946а. С. 32–55.
- Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1946б. С. 290–367.
- Сталин И. В.* Об отмене национальных ограничений // Соч. Т. 3. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1946в. С. 16–19.
- Сталин И. В.* Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1947а. С. 69–188.
- Сталин И. В.* Выступление на 3 Всероссийском съезде Советов РСИКД // Соч. Т. 4. М.: Государств. изд-во полит. лит., 1947б. С. 17–369.
- Трайнин И. О.* О племенной автономии // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 19–26.